

Л. ВОРОНКОВА

Лесная избушка

ДЕТГИЗ

Л. ВОРОНКОВА

13453

Л Е С Н А Я
И З Б У Ш К А

Рисунки
А. ДАВЫДОВОЙ

Государственное Издательство Детской Литературы
НКП РСФСР
Москва 1943 Ленинград

15456.

1957-68 г.

НАУЧНОЕ БИБЛИОТЕКА
ДОМО ДЕТСКОЙ ИАЛТИ
ДЕТГИЗА

1. НА ЛЕСНОЙ ТРОПИНКЕ

Шурка шел по лесу снежной скрипучей тропкой. Тропка была мало хожена, итти по ней было трудно — и Шурка устал. Он еле вытаскивал свои тяжелые валенки из сугробов, и ему казалось, что лесу не будет конца. Шурка мог бы пойти по большой проезжей дороге, там итти легче, но там опасно: немцы всюду заложили мины.

На снеговых полянах тихо таяли печальные отсветы малиновой зари. Выходил месяц, тени ложились на снег от неподвижных елок. И чем выше поднимался месяц, чем ярче светил он, тем отчетливее становились тени на искристом снегу. Шурка не боялся итти. Ночь наступала светлая, волков в их лесу не води-

лось, дорогу он знал хорошо. Но шел он не весело, не высматривал белок и снегирей и не насвистывал песенку. Он только смотрел, как бы не сбиться с тропки да не завязнуть в сугробе.

Выйдя на лесную полянку, Шурка остановился. Он поднял глаза к вершинам елок, которые, словно задумавшись, стояли кругом. И вдруг брови его насупились и к горлу подступили слезы. Таким маленьким почувствовал он себя среди этого тихого морозного леса, таким одиноким и брошенным! Слово щенок, которого вышвырнули из дома...

Шурка провел рукавицей по глазам и, всхлипывая, пошел дальше.

— Это кто же ревет на таком морозе? — вдруг сказал кто-то рядом с ним.

Шурка остановился, замер. Тихо было кругом, неподвижно стояли елки, разноцветные огоньки сверкали на синих сугробах.

— Чудится, что ли? — пробормотал Шурка. И несмело спросил: — Кто тут?

Оглянулся, а из-за косматой елки выходит кто-то весь в белом.

Легко скользя лыжами, человек в белом подошел к Шурке. У него была круглая седая борода, черные глаза блестели из-под капюшона. Шурка робко спросил:

— Ты разведчик, дедушка?

— Я-то разведчик, — сказал старик, — а вот

ты кто такой, скажи, пожалуйста? И какое право ты имеешь ходить ночью по лесу да еще реветь здесь?

— А я никто, — смущенно ответил Шурка. — Так, просто мальчик... Из Назарова я.

— Далеко зашел! Мал еще ночью по лесам-то ходить. Лет восемь есть?

— Семь.

— Как же это тебя мать пустила одного в такую поздноту?

— А ее нету... Их всех немцы угнали.

— О! Вот что! Ну, нечего, братец, нам с тобой на морозе стоять. Пойдем. Я тебя провожу, а ты мне расскажи, как и что.

Шурка и дед пошли дальше. Шурка по тропинке, а дед по снегу рядом.

— Тебя как зовут-то? — спросил дед.

— Шурка.

— Ну, Шурка, расскажи, как это у вас в Назарове случилось.

Шурке опять сдавили горло слезы.

— Немцы у нас жили, — помолчав, глухим голосом сказал он, — а потом ушли. И народ угнали. А я в это время на дворе был; взял да зарылся в солому. Вот и остался. А мать угнали. И сестру тоже. И соседей...

— А отец?

— В армии. Давно уж.

— Ну, а куда же ты теперь идешь, Шурка, горемыка ты этакий?

— К тетке иду. Она хоть и сердитая, ну все-таки... В Николаевку.

Дед остановился.

— В Николаевку?

— Ты что? — удивился Шурка.

— Не спеши, братец, — сказал старик, — не спеши. Поворачивай в сторону, — Николаевки нет. Вместо Николаевки черные угольки лежат. Вряд ли ты там, братец, свою тетку найдешь.

Шурка растерянно уставился в лицо деда, ярко освещенное луной. Не шутит ли он? Нет, не шутил дед. Задумчиво и озабоченно глядели на Шурку его черные глаза.

— Что же мне теперь делать, дедушка? — спросил Шурка.

Голос у него дрогнул, он уже не мог сдержать слез. И, плача, повторил еще раз:

— Дедушка, что же мне теперь делать, а?

Дед подумал минутку.

— Ладно, — сказал он. — Может, и ругать меня будут, но пусть ругают. Становись на мои лыжи, пойдем. Только не реви, а то сосульки намерзнут.

Шурка встал сзади на большие дедовы лыжи и ухватился обеими руками за его полушубок, надетый под белым плащом. Старик повернул вправо, и они пошли в глубь леса, прямо по сугробам.

Шурка плакал. Как ни ругал он себя, как

ни уговаривал, ничего не мог поделать: уж очень много накопилось у него горя. На рукавице, которой он утирался, даже сделалась тоненькая ледяная корочка, и утираться ею стало больно.

Они шли молча по синим сверкающим сугробам, мимо укутанных снегом елок, мимо серебряных берез и осин. Шурка понемногу успокоился.

— Куда мы идем, дедушка? — спросил он.

— Новый год встречать, — ответил дед.

Новый год! Шурка и забыл совсем, что наступает праздник.

— Когда немцев не было, у нас в школе елку наряжали, — сказал Шурка. — Знаешь, дедушка, до чего красивая елка была! Так и блестела вся!

— О! Подумаешь! — отозвался дед останавливаясь. — Оглянись вокруг, а разве у нас в лесу елки плохо украшены, разве не блестят они? Погляди получше.

Шурка оглянулся. И может оттого, что очень ярко светил месяц, может оттого, что в Шуркиных глазах еще стояли слезы, но он увидел, что лес и в самом деле дивно блестит и сверкает. Он прижмурил заиндеветые ресницы, и все кругом стало еще красивее, еще чудеснее. От елки к елке вдруг протянулись серебряные нити, и на этих нитях зажглись звездочки. Они тихонько покачива-

лись среди серебра и вспыхивали то синими, то зелеными огоньками.

— Ну, отдохнул, братец Шурка? — сказал дед. — Пошли дальше.

Шурка открыл глаза. Звезды и серебряные нити исчезли. Но лес попрежнему блестел и сверкал, будто и в самом деле приготовился к встрече Нового года.

Дед и Шурка шли по краю обрыва, над рекой. Потом спустились вниз, на реку, и пошли по льду. И на том берегу, в самой чаще, Шурка разглядел маленький домик. Узкая дорожка вела к нему через сугробы. Черные посеребренные елки протягивали свои лапы над его низкой крышей. Откуда-то слышался легкий свист, дед так же свистнул в ответ.

— Кто это? — спросил Шурка.

— Наш караульный, — ответил дед. И, остановившись у калитки, сказал: — Вот мы и дома. Приехали!

Шурка сошел с лыж. Дед отстегнул их и три раза стукнул в дверь. Послышались быстрые шаги, дверь открылась. Худенькая черноглазая девушка выскочила на крыльцо.

— Батько! — обрадовалась она. — Наконец-то! А уж мы тут затревожились было. Все вернулись, а тебя нет... А это кто же с тобой? Чей парнишка?

— Потом узнаешь, Алёнушка, — ответил дед. — Входи в избу, Шурка, не стесняйся!

Шурка вслед за дедом вошел в избу. Он очутился в маленькой чистой кухонке. У порога вместо половика лежала кучка еловых веток. В избе было жарко натоплено, пахло хвоей, горячим хлебом. Из горницы сквозь тонкую дверь слышался негромкий говор.

Черноглазая девушка стащила с Шурки полушубок. Намерзшие рукавицы его сунула в печурку. А потом открыла дверь в горницу и сказала:

— Пожалуйте!

Шурка, прячась за деда, вошел в горницу. Там в переднем углу стоял накрытый стол. За столом сидели какие-то люди. Все они обернулись навстречу деду, все заулыбались, заговорили:

— А, вот и Батько пришел!

— Заждались тебя, уж думали, немцу на мушку попал!

— Давайте место Батьку!

А потом заметили Шурку.

— Смотрите, смотрите! Наш Батько еще партизана привел!

„Партизаны! — обрадовался Шурка. — Так я и думал!“

Все встали из-за стола, обступили Шурку.

— Откуда? Из какой деревни? Как попал сюда?

Шурка глядел то на одного, то на другого и не знал, кому отвечать: не то дядьке с рыжеватой бородой, с наганом у пояса, не то вот этому высокому, голубоглазому, не то вон тому молодому веселому парню, который так ласково улыбается ему.

Дед Батько выручил Шурку.

— Ну, что напали? Потом расскажет. Один он на свете остался — вот и весь его рассказ. Когда-нибудь родные его вернутся, а пока... Садись за стол, Шурка! Вот сюда. Вот твое место. Понимаешь? Твое. И уж полночь скоро. Будем мы нынче Новый год встречать или не будем? Как скажете, сынки?

— Будем! — грянули „сынки“ хором. — Будем!

Все уселись за стол. Алёнушка принесла из кухни кусок сочного мяса, которое еще шипело на сковороде. Нарезала на тарелке тонкими ломтиками свиное сало. Открыла стеклянную баночку, и душистым хреном запахло в избе. А потом поставила на стол большое блюдо с крупными ржаными пирогами.

— Вот как хорошо, что ты пришел! — сказала она Шурке. — У меня один пирог лишний получился, не знала, что с ним делать. А теперь вот как раз тебе!

Она взяла самый пышный, самый румяный пирог и подала его Шурке.

— Ешь, не горюй. Что было — видели, что будет — увидим.

— А будет хорошее! — добавил дед.

Партизаны тихонько спрашивали деда, где он был, что высмотрел.

А Шурка ел вкусный горячий пирог и смотрел на свою новую родню повеселевшими глазами.

2. ЛЕСНЫЕ ЧУДЕСА

Наутро Шурка проснулся поздно. Солнце уже глядело в избу сквозь морозные окна. Было очень тихо — не кричал петух на дворе, не перекликались ребятишки на улице, не звякали ведра у колодца... И Шурка вспомнил, что он в лесу.

Он свесил с полатей голову. В избе никого не было.

„Или мне все приснилось? — подумал Шурка. — Столько народу было! Как же это они ушли, а я и не слышал?“

— Эй, воробушек подзастрешный! — вдруг окликнула его черноглазая Алёнушка. — Выспался? Слезай-ка завтракать!

Она сидела так тихо, что Шурка ее сразу и не заметил.

Алёнушка пряла. пышная белая куделька, словно шапка, была надета на деревянном гребне.

Шурка слез с полатей и загляделся на кудельку.

— Это шерсть такая белая, — спросил он, — или шелк какой?

— Это не шерсть и не шелк, — ответила Алёнушка, — это облачко.

— Облако?

— Ну да. Ты вот спал, а я встала пораньше, влезла на елку, достала облачко. Вот и пряду.

Шурка промолчал. Никогда в жизни он не слышал, чтобы облако можно было прясть! А может, и правда можно — кто его знает! Ведь здесь не деревня, здесь лес.

Алёнушка дала ему горячей каши с маслом, налила чаю.

— Как хорошо, Шурка, что ты к нам пришел, — сказала она, — а то мне здесь одной оставаться всегда, знаешь, как скучно было!

Шурка ходил по избе. Любовался узором из еловых веток, которыми Алёнушка украсила стены. Разглядывал маленький шкафчик-поставец с резной дверцей и резную полочку для посуды. А изо всех окон в голубые проталинки глядел на Шурку молчаливый заснеженный лес. Шурке казалось, что он даже сквозь стены слышит его глухую студеную тишину.

И вот снова вспомнился Шурке свой дом, вспомнилась мать, сестра Ксёна, товарищи... И печаль схватила за сердце. Где они теперь? У немцев в плену. Где их деревня, их дом? Немцы разграбили и сожгли.

И совсем было повесил голову Шурка, но Алёнушка поглядела на него, бросила веретено.

— Одевайся, Шурка! Пойдем со мной по воду! Я тебе заколдованную елку покажу!

— Заколдованную? — удивился Шурка. — Как это — заколдованную?

— А вот так. Ее лесные звери под Новый год наряжали.

— Как наряжали?

— Да так. Убрали всю звездами, серебром. Ночью выйдешь на крылечко, а от нее светло, как от месяца!

— Ну да... расскажешь тоже!

А сам, уже одетый, стоял на пороге. Никакой там заколдованной елки нет, но почему не посмотреть все-таки?

В лесу было гулко, морозно. Среди больших сугробов вилась глубокая синяя тропинка. По этой тропинке спустились к реке. На реке среди зеленого льда темнела круглая прорубь.

Шурка оглядывался кругом: а где же серебряная елочка?

— Да вот она! — сказала Алёнушка. — Вон, на том берегу, на самой круче стоит!

Шурка поглядел. Стоит на снеговой круче стройная елочка. Вся она в снегу, в ледяных сосульках. Но где же звезды на ней, где же серебро?

Шурка сурово поглядел на Алёнушку.

— Ты все нарочно мне рассказываешь! Маленький я, что ли?

Алёнушка улыбнулась и легонько потрепала за ухо его шапку-ушанку.

— Не сердись! — сказала она. — Это я так!

Чтоб ты не задумывался... Понимаешь? Чтоб ты повеселей был. Вот захотелось тебе на эту елку поглядеть, ты живо собрался, а то сидел бы в избе, повеся голову. Гляди-ка, до чего у нас в лесу хорошо!

Алёнушка с полными ведрами пошла домой, а Шурка потихоньку побрел за ней.

Какие большие елки! Стоят тихо, будто прислушиваются к чему-то. А калиновые кусты набрали полные охапки снега и совсем завязли в сугробах. Чу! Сучок треснул, сломался. Это белка пробежала. Вот она! Белка спустилась на нижнюю ветку и смотрит на Шурку черными глазками.

— Иди сюда, — сказал ей Шурка. — Иди, я тебя поглажу!

Протянул руку. А белка испугалась, взмахнула хвостом и ускакала к вершинам.

„Вот бы ее домик поглядеть, — подумал Шурка, — как у нее там устроено“.

Ему представился домик с коньком и с окошечком, кладовые, полные орехов, теплая постель из шерсти и перьев. Говорят, белки живут просто в дупле. Но ведь Шурка этого сам не видел.

Шурка пригляделся к розовым сверкающим сугробам. Сколько следов на снегу! Вот это заячий петляет вокруг елки, — заячий след Шурка хорошо знает. А вот здесь след покрупнее. Может, лисица проходила. А вот

возле самой избушки птичьи следы. Ух, сколько лапок! И под окнами и на крыше. Какие же птицы прилетают сюда?

Алёнушка выскочила на крыльцо.

— Иди домой! — крикнула она. — Что ты стоишь, как снеговое чучелко? Иди скорей, замерзнешь!

3. У ШУРКИ ЕСТЬ ДРУЗЬЯ

День прошел. К вечеру Алёнушка стала то и дело заглядывать в оконные проталины.

— Как думаешь, придут наши сегодня или нет? — сказала она Шурке. — Как по-твоему?

— По-моему, не знаю, — ответил он.

— Ведь ты знаешь, брат Шурка, их дело опасное! В лапы к немцам попадут, те не помилуют!

— Не попадут! — сказал Шурка. А сам подумал: „А если попадут?“

И ему уже представилось, как окружают немцы партизан, как стреляют в них. И отбиваются партизаны, дерутся с немецким отрядом, не даются в руки врагам... Но спрятался за елку один немец и целится оттуда прямо в деда, прямо в грудь ему навел черное дуло винтовки... Ой, страшно Шурке!

В сумерки из овражка от реки раз-

дался знакомый свист. Алёнушка выбежала на крыльцо.

— Подходи, — крикнула она, — все спокойно!

И, вернувшись, радостно сказала:

— Идут! Шурка, Шурка, встречай гостей!

В избу один за другим вошли партизаны. Шурка бросился к деду, обхватил его и прижался лицом к морозному полушубку.

— А, соскучился! — улыбнулся Батько.

— Ты живой? — прошептал Шурка.

Дед засмеялся.

— Вот те и раз! А то какой же?

Весь вечер Шурка не отходил от деда. И ужинал с ним рядом и спать с ним лег.

Но прошёл один денек, прошёл другой, и у Шурки завелись новые друзья.

Угрюмого дядю Егора Шурка сначала боялся. Дядя Егор не ругался, не сердился, но он был молчаливый, никогда не смеялся, и глаза у него были мрачные.

Был у дяди Егора острый ножичек. Такой острый, что если дотронешься, сразу обрежешься. Этим ножичком дядя Егор любил в свободное время выстругивать всякие штучки — то рамку, то ящичек. Это он сделал резную полочку для посуды и разукрасил дверцу у шкафчика. Однажды дядя Егор позвал к себе Шурку и сказал:

— На вот. Это я тебе сделал.

И дал Шурке маленькую резную избушку. Избушка была с трубой, с дверцей, с окошечком. До чего ж хороша! Как настоящая! Шурка заглянул в окошечко — может, там живет кто-нибудь? Но увидел только свой голубой глаз — окошечко было зеркальное.

— Спасибо, — покраснев, сказал Шурка.

А дядя Егор только поглядел на него задумчиво и отвернулся.

— Алёнушка, — потихоньку спросил Шурка, — почему это дядя Егор такой сердитый?

— Он не сердитый, — ответила Алёнушка, — он печальный. У него немцы сына убили. Такого, как ты. Вот он и горюет. Забыть не может.

С этих пор Шурка перестал бояться дяди Егора. И когда партизаны приходили после ночного похода, озябшие, усталые, он принимал у дяди Егора его рукавицы и прятал в горячую печурку.

Подружился он и с Василием-кузнецом. Бородатый кузнец в первый же вечер таинственно спросил его:

— Шурка, а ты знаешь, кто я такой?

— Знаю, — ответил Шурка: — ты дядя Василий, кузнец-партизан.

Кузнец нахмурил черные густые брови.

— А ты, Шурка, знаешь, что я колдун?

Шурка засмеялся.

— А ну, сколдуй что-нибудь!

Кузнец пожал плечами.

— Да пожалуйста, сколько хочешь! Давай носовой платок, давай спичку!

Кузнецу дали носовой платок и спичку. Он отошел в угол, отвернулся, пробормотал что-то. Потом на глазах у Шурки положил спичку на середину платка, накрыл ее краями и сказал:

— Ну, ломай спичку!

Шурка нащупал спичку в платке и сломал.

Тогда кузнец покрутил рукой над платком,

дунул на него и развернул. Спичка лежала целая. Шурка держал спичку в руках, щупал ее — нет, целёхонька! И он даже не знал, что сказать от изумления.

Партизаны улыбались, улыбались и дед Батко и Алёнушка. А Шурка просто понять не мог, как это кузнец такое чудо сделал.

Восемь партизан было в лесной избушке. А Шурка был один сынок на всех.

Но больше всего подружился он с молодым Федей Чилимом.

— Почему тебя так чудно зовут? — спросил его Шурка. — Чилим! Что это такое — чилим?

— Чилим — это такой орех водяной, в воде растёт, — ответил Федя. — Я еще мальчишкой был, с тебя, и вычитал это в книжке — про чилим. Интересно мне показалось. Вот я товарищам говорю: „Ребята, давайте кого-нибудь прозовем Чилимом! Чилим! Чилим!“ А ребята и подхватили: „Ну, вот ты сам и будешь Чилим!“ Так я Чилимом и остался.

Про всё говорили партизаны — и про своих родных, которые остались в плену у немцев, и всякие истории рассказывали. Но вот куда они ходили, что делали, про это никто ни словечка не сказал. А Шурка только об этом и думал.

— Чилим, — спросил Шурка, — почему не расскажешь, где вы той ночью были?

У Чилима глаза так и загорелись.

— У, брат Шурка, мы в ту ночь таких дел наделали!

— Расскажи, Чилим! Склад у немцев подорвали?

— Ну, склад! Склад мы подорвали дней десять тому назад. А на той неделе целый отряд карателей разгромили, в лесу подстерегли. А в этот раз... — И Чилим зашептал: — В этот раз мы целый состав с боеприпасами под откос спустили. Подкрались, подползли

к линии... Притаились в кустах. Поезд идет! Мы с дядей Егором и вон с тем, с Парфенчиком, выскочили да по связке гранат под паровоз! Ох, и ударило же! Огонь! Дым! Паровоз на куски — и под откос. Вагоны друг на друга налезли и тоже с рельсов дблой. Снаряды рвутся! Патроны щелкают, состав горит, немцы крик подняли! Ох, и накрушили же мы им, бандитам!

Шурка живо представил себе исковерканные горящие вагоны среди ночного леса, кричащих от ужаса немцев в ненавистных зеленых шинелях. Это немцы опустошили их деревню, это немцы разорили их дом, угнали его мать, сестру, товарищей... И школу сожгли. А они с Пашкой собирались учиться в эту зиму!

— Так им и надо! — угрюмо сказал Шурка и задумался.

Потом он подошел к деду, который отдыхал на лежанке, покуривая трубку.

— Дедушка, — сказал Шурка, — а когда же ты меня с собой возьмешь? Что же я всё и буду дома сидеть?

— О! Ишь ты! — усмехнулся дед. — А куда тебя брать? Что ты делать будешь?

— Всё! Что скажешь, то и сделаю! Ты думаешь, я боюсь? Я не боюсь. Мать у меня где? А наша Ксёна где? А я... бояться буду, да?

Дед взглянул на Шурку и перестал усмехаться.

— Возьмем! — сказал он. — Как понадобится, так и возьмем.

4. ПУНЦОВЫЙ ПЛАТОЧЕК

А понадобился Шурка очень скоро.

Он сидел в кухне и помогал дяде Егору чистить винтовку. В горницу ему входить нельзя было — там партизаны совещались о чем-то.

Шурка, наморщив брови, сухой тряпочкой протирал курок. Вдруг открылась из горницы дверь, и Чилим окликнул его.

— Собирайся, — сказал он, — пойдешь с нами!

Шурка подскочил. Он живо оделся, надвинул шапку.

— Я готов! — крикнул он и вошел в горницу.

У Шурки дух захватывало от волнения, когда шел он по лесу с партизанским отрядом. Шли без шума, без разговоров, только лыжи шуршали по снегу. Шурка потихоньку оглядывался кругом: не идут ли из чащи немцы, не крадутся ли откуда по-волчьи, не смотрит ли из еловых веток дуло немецкого ружья?

Но партизаны шли уверенно, и Шурка понемногу успокоился.

Вышли на белую лесную дорогу. Пересекли ее, миновали березовую рощу и остановились на опушке. Батько подозвал Шурку.

— Ну, брат Шурка, теперь твоя служба. Иди вот так, наискосок. Там будет изгородь. Посмотри, висит что-нибудь на изгороди или нет. А мы тебя будем ждать. Хорошенько посмотри!

— Ладно, — сказал Шурка и пошел наискосок через снежное поле.

За большим бугром он увидел изгородь. На изгороди, на голубой ольховой слее был привязан тонкий пунцовый платочек. Светло-серое было небо, тусклый белый снег, темные елки. И только платочек этот трепетал на ветру, словно яркий, живой огонек. Шурка оглянулся кругом, прислушался. Тихо. Ни звука. Тогда он быстро подбежал к изгороди, отвязал платочек, сунул его в карман и помчался обратно. Партизаны ждали его.

— Ну что? Ну как? — бросился к нему Чилим.

— Тебя никто не видел? — спросил дед. — Никто не встретился?

— Никто, никто! — задыхаясь от бега, ответил Шурка.

— А на изгородке?

— А на изгородке вот!

Он вытащил пунцовый платочек и показал партизанам.

— Так, — сказал задумчиво дед, — значит, туда нам не путь. Поворачивай лыжи, товарищи!

И повернул обратно.

— А почему? А почему? — торопливо спросил Шурка у Чилима. — Это что значит?

— А то значит, что населенный пункт занят врагом, — ответил Чилим, — и ходить нам туда больше нельзя. Можно только ночью подобраться и только с винтовкой в руках да с гранатой у пояса.

Дошли до старого следа. Дед остановился и сказал Шурке:

— Мы себе еще дорог поищем. А ты, Шурка, беги домой. На сегодня твоя служба окончена.

Шурка по следу вернулся домой, весело вошел в избу.

— Алёнушка, я тебе подарок принес! — крикнул он еще с порога. — Посмотри-ка, платочек какой!

Алёнушка взяла платочек, а сама поглядела Шурке в глаза:

— Всё сделал, что надо?

— Всё!

— И как надо сделал?

— А то как же!

— Молодец! — улыбнулась Алёнушка. — А за подарочек спасибо. Беречь его буду!

Б. СОВЕЩАНИЕ НА ПОЛАТЯХ

Шурка проснулся раньше всех. Он лежал на полатях и разглядывал потолок. Сосновые дощечки, гладко выструганные, были разрисованы древесными жилками и сучками. В окно глядело утро, морозные стекла искрились. А на полатях еще ютились теплые дремотные сумерки. В этих сумерках оживали сучки и жилки на потолке и получались из них маленькие молчаливые фигурки. Вот этот темный сучок с развилкой совсем похож на человечка. А вот это коричневое пятнышко и трещинки вокруг как-то чудесно соединились, и получилась птица с широким хвостом. А по этой дощечке бегут тонкие волнистые линии, будто речка течет далеко-далеко, в волшебные страны...

В кухне негромко звякали ведра, чугуны, потрескивали дрова — Алёнушка топила печку. Рядом с Шуркой легонько похрапывал дед Батько. Снизу — с лавок, с пола, с широкой деревянной кровати — слышалось сонное дыхание. Партизаны вернулись на рассвете и теперь крепко спали. Не было в избе только дяди Василия-кузнеца и еще одного партизана — они дежурили, сторожили свою лесную избушку.

Шурка рассматривал человечков на потолке и не заметил, что дед давно проснулся и глядит на него.

— Подай-ка табак, — сказал дед: — протяни руку к трубе — он тут и есть.

— А ты не спишь? — обрадовался Шурка и полез за табаком.

Дед закурил. Синие струйки дыма поднялись к неподвижной волнистой реке и заслонили коричневую птицу. словно пожар случился где-то.

... Так вот клубился дым над рекой, когда горело на том берегу село Нечаево, так же стлался синий дым по земле. Только еще кричали тогда ребяташки и в голос плакали женщины, глядя, как, подожженные немцами, пылают и рушатся их дома.

— Дедушка, — сказал Шурка, — а когда же вы меня с собой по-настоящему возьмете?

— Да ведь брали же!

— Ну что брали? До изгороди дошел да и обратно. А вы меня с собой возьмите, я вам помогать буду. Ну, патроны поднести или узнать про что, мало ли!

Дед помолчал, попыхивая трубкой. Потом спросил:

— А ты немцев шибко боишься?

— Я? — сказал Шурка. — Вот еще! Буду я их бояться!

Проснулся Чилим.

— Батько, — негромко сказал он, — ну как же нам быть?

— С чем?

— Да с разведкой. Кого пошлешь?

— Не знаю, Чилим, — вздохнул дед. — Никому из вас нельзя идти. Немцы, которые в Денисове, всех вас в лицо знают. Сам пойду, пожалуй.

Чилим рассердился:

— Сам! А тебя не знают, что ли? Вишь, что выдумал — сам он пойдет! Уж тогда лучше я пойду.

— Дедушка, — живо сказал Шурка, — давай я пойду! А? Давай я! Я Денисово знаю. Там у Витьки Дубка бабушка живет. Давай я схожу!

— Еще что! — нахмурился дед. — Тоже разведчик нашелся! А ну-ка, слезай с полатей долой, иди в кухню к Алёнушке! Нечего тебе тут слушать!

— Дедушка!

— Иди, иди!

Шурка медленно стал слезать с полатей. Он спустился вниз, но в кухню вышел не сразу, а притаился за углом печки: уж очень ему хотелось дослушать интересный разговор.

— Знаешь, Батько, — продолжал Чилим, — давай я переоденусь как-нибудь. Ведь и дело то всего только до тетки Анны Кочкиной дойти. Где, мол, белые петухи сидят? Никто и не поймет, в чем дело, если даже и подслушают.

Шурка тихонько вышел в кухню, надел полушубок, надвинул шапку.

— Куда это? — спросила Алёнушка.

Шурка ответил сурово:

— Дело есть.

— Посылают, что ли?

— Может, и посылают.

Он взял из чугунка горячую картошину и ушел.

Когда сели завтракать, дед оглянулся на пустое Шуркино место и с удивлением спросил:

— А парнишка где же?

— Как где? — ответила Алёнушка. — Да ведь вы же его послали!

— Куда мы его послали? Кто его послал?

Дед оглянулся на партизан — никто никуда не посылал Шурку.

Тогда дед хлопнул рукой по столу:

— Ах, чертенок! Да ведь это он в Денисово убежал!

6. ШУРКА — РАЗВЕДЧИК

В Денисове топились печки. Светлосиреневый дым поднимался над белыми крышами.

Шурка дошел до речки. Возле проруби, куда денисовские приходят за водой, Шурка остановился и стал ждать. Над его головой

с белых мохнатых от инея веток сеялись тонкие морозные иголки.

Вскоре на снеговой тропинке показалась женщина с ведром. Она задумчиво спустилась к проруби. Шурка вышел ей навстречу.

— Ты откуда? — тревожно спросила она.

— Из Назарова, — ответил Шурка, — к бабушке Дубковой иду.

— Да у нас же немцы!

— А у нас тоже. У меня мать угнали.

— Значит, к бабке пробираешься? Ну что ж, пойдем вместе.

Шурка шел сзади. Женщина свернула к своему дому, а Шурка не спеша пошел по улице, будто он весь век тут прожил.

Он шел, глядел по сторонам и не узнавал Денисова. Огромные крытые машины стояли у дворов. Шумели и трещали мотоциклы. Пахло бензином. Снег на улице был заезжен и затоптан. И всюду — возле дворов, у машин, у колодца — всюду ходили и толпились чужие, враждебные люди в зеленых шинелях. Они разговаривали громко, словно хозяева. Выкрикивали какие-то непонятные слова, чему-то смеялись. И Шурке подумалось, что веселая деревня Денисово стала чужой, неприветливой и даже страшной.

Из-за угла одной избы раздался слабый короткий свист. Шурка оглянулся. Там под навесом стояли его денисовские приятели —

Женька Горюн и Федюнька Славин. Шурка подошел к ним.

Ребята обрадовались ему.

— Как пробрался? Ведь на дорогах мины! У нас один подорвался.

И принялись рассказывать новости. У Женьки Горюна немцы всех из избы выгнали, теперь они в овчарнике живут. А Славины и вовсе в землянке. Печку из глины сложили, а стены в землянке мокрые, и от печки дымно. А в их новой избе какие-то важные немецкие начальники поселились. Эх, зря только крыльцо такой хорошей красной краской покрасили!

— Возле дома день и ночь караул стоит на часах. К нашей избе теперь и подойти нельзя. А у вас?

Шурка понурил голову.

— А у нас и вовсе никого в деревне не осталось. Угнали. Только стены стоят.

— А как же ты будешь?

— Я-то? О!..

И только хотел похвастаться Шурка своей судьбой и своими друзьями, как вспомнил, что и дед, и Чилим, и все партизаны строго наказывали ему никогда и никому не говорить про их лесную избушку.

— Я к тетке могу пойти, — сказал он. — Уж как-нибудь проживу!

По улице немецкий солдат вел корову.

Корова упиралась, редела страшным голосом — она чуяла нож. Сзади шла женщина. Двое маленьких ребятишек тащились за ней, цепляясь за юбку.

— Пожалей маленьких-то! — просила женщина. — Ну, как им без коровы жить?

Немец не слушал ее и не понимал. Он злился, бил корову по глазам, по морде. Потом вдруг выхватил из ножен короткий кинжал и всадил корове под лопатку, в сердце. Корова рухнула без звука. Женщина охнула и остановилась: больше просить не о чем.

— А мы козу в землянке спрятали, — прошептал Федюнька, — так все вместе и спим. Печка остынет, возле козы греемся.

У Женьки Горюна глаза совсем запечалились. Что же, значит, теперь им так всегда и жить? В овчарниках, в сараях да в землянках? Значит, уж они теперь и не люди, а уж, значит, они теперь вроде скотины?

— Ну вот еще — всегда! — возразил Шурка. — А Красная армия? А партизаны на что?

— Эх, знать бы, где они, убежал бы к ним! — сказал Женька. — Только разве их найдешь!

Шурке так и хотелось усмехнуться в ответ: „Не знаешь, где партизаны? А партизан сам перед тобой стоит!“

Но опять вспомнил строгий наказ деда и стерпел, ничего не ответил.

— Мне тетку Анну Кочкину нужно, — сказал Шурка. — Где бы ее найти?

— А вот дом с желтыми окошками, — указал Женька.

А Федюнька нагнулся к его уху и прошептал:

— Говорят, к ней партизаны ходят...

Шурка пошел к избе с желтыми окошками. Заглянул во двор. Заглянул в кухню. Тетка Анна увидела его и вышла на улицу.

— Тебе что, мальчик?

— Меня дед Батько прислал.

— Тише! Что ему?

— Велел спросить, где белые петухи сидят.

Тетка Анна быстро оглянулась кругом — не слушает ли кто.

— Белые петухи в клетке с красной дверцей, возле пруда. Понял?

— Понял.

— Повтори.

Шурка повторил.

— Хорошо, — сказала тетка Анна, — беги обратно.

И ушла в избу.

Шурка снова зашагал по улице.

„Зайти, что ли, к бабке Дубковой?“ подумал он.

Он подошел к ее маленькой избушке и тотчас увидел бабку. Бабка стояла у крыльца и просила:

— У меня же хлебы в печке! Пустите хоть хлебы-то вытащить.

Но на пороге стоял рыжий угрюмый немец.

— Форт, — резко отвечал он, — форт!

И, подняв нагайку, погрозил бабке.

Шурка повернулся и пошел обратно. Грустно ему стало, тоскливо. Глазам не хотелось смотреть на эти страшные машины, загроздившие деревню, ушам не хотелось слушать ненавистный говор, который то тут, то там слышался на улице.

„В лес! — подумал Шурка. — В лесу хорошо! В лесу, как раньше, — и елки, и тихо, и снег чистый. а тут прямо задохнуться от немцев можно!“

Он ускорил шаг.

— Хальт! — вдруг крикнули Шурке. — Хальт, мальщик!

Шурка вздрогнул и остановился.

„Так и есть! Попался!“

У колодца стоял немецкий ефрейтор. Он держал под уздцы вороную лошадь.

— Сюда, — приказал он Шурке, махая рукой, — сюда!

Шурка сразу будто застыл весь — и сердце замерло, и ноги стали, как деревянные. Он

медленно подошел к немцу, опустил руки и понурил голову. Сейчас ефрейтор будет его допрашивать, где скрываются партизаны. Ну и что же! Пусть допрашивает, все равно Шурка ничего не скажет!

— Вода! — сказал немец. Он показал сначала на колодец, потом на лошадь. — Вода!

— Воды? Лошадь напоить? — спросил Шурка. У него отлегло от сердца: не догадались!

Он бросился к колодцу, достал воды и налил в колоду, из которой поили колхозный скот. Бадья была тяжелая, он еле поднял ее.

Немец больше не обращал на него внимания, и Шурка тихонько отошел прочь. Он прошел по улице, свернул на узкую дорожку, ведущую к реке. И как только спустился под горку, не выдержал, запрыгал, словно заяц, за которым гонятся собаки. Вот и прорубь чернеет, вот знакомая тропинка...

Зимний день короток. Кажется, и времени прошло немного, а в осиннике уже потускнело, затуманилось. Скорей в лес, в лесную избушку, к деду, к Чилиму, к Алёнушке!

Подбегая к лесу, Шурка еще издали увидел деда. Дед стоял под елкой в своем белом халате, опершись на паяку.

— Неужели меня ждешь? — крикнул Шурка. — Ты же замерз весь!

Дед улыбался, черные глаза его весело светились: видно, рад, что Шурка вернулся живым и невредимым.

— Как же, дадут мне замерзнуть, — проворчал он: — то один выйдет, то другой. А Чилима только сейчас прогнал — не уходит, да и всё!

— Прогнали, да не очень! — вдруг отозвался Чилим. И вышел из-за елки.

Шурка и Чилим рассмеялись, а дед вдруг сердито нахмурился.

— Нечего смеяться! — прикрикнул он на Шурку. — Я вот тебе сейчас хорошую нахлобучку дам. Ты у меня узнаешь, как без спору бегать!

Но Чилим вступился за Шурку:

— Подожди, Батько! Потом поругаешься. Ты лучше послушай его.

И Шурка, глядя прямо в глаза деду, отчетливо повторил, будто по букварю прочитал:

— Тебе тетка Анна ответ прислала: белые петухи в клетке с красной дверцей, возле пруда.

— Так, понимаю, — сказал дед. — Спасибо.

— А еще вот что, это я сам узнал: у Славиных в новом доме офицеры живут. Знаешь, крыльцо-то красное?

И вдруг Шурка замолчал. А потом засмеялся:

— Да ведь это и есть белые петухи!

— Догадлив, — сказал дед. — Скоро ты у нас, брат Шурка, настоящий партизан будешь!

Дед большой рукавицей хлопнул Шурку по плечу. И все трое весело направились домой, в свою лесную избушку.

7. ГОЛУБЫЕ ГОЛУБИ

Шурка до обеда ходил по лесу, собирал хворост. За глухим оврагом видел лисицу. Она бежала не спеша. Ее богатый рыжий хвост то загорался на солнце горячим золотом, то погасал в тени елок. Она почуяла Шурку, остановилась, понюхала воздух и равнодушно побежала дальше. Порохом не пахло, чего же ей бояться Шурки?

Потом Шурка подглядел дятла. Дятел сидел, плотно прижавшись к стволу елки, и звонко постукивал клювом. Чего только не увидишь в лесу, когда ходишь тихо!

На высоких крутых сугробах Шурка замедлял шаг. А вдруг тут медвежья берлога? Вот так разгонишься да и провалишься прямо к медведю! Интересно, проснется он или нет?

А возле дома на свежем снегу Шурка опять увидел птичьи лапки. Что же это за птицы прилетают к их домику?

К вечеру загудело в трубе, зашумели елки

по лесу, пошла по сугробам метелица. Партизаны собирались в поход.

— Дедушка,—сказал Шурка,—как же вы пойдете? Вон какая заваруха начинается!

— Пускай начинается,—ответил дед.—Нам это наруку: метелица немцам глаза отведет.

Когда стемнело, партизаны вскинули винтовки на плечо, прицепили к поясу гранаты, простились и ушли. Шурка и Алёнушка вышли проводить их. Едва сошли с крыльца партизаны, как и пропали во тьме и метели.

— Только бы живы остались! Только бы вернулись! — прошептала Алёнушка. — Вот как сердце каждый раз болит за них!

Крутился во тьме сухой снег, глухо гудел ветер по лесу. Черные, огромные, стояли елки над низкой избушкой, только лапы их чернели над головами, а вершин сквозь метель и не видно было.

Молча вернулись они в избу. Шурка сел в теплый уголок возле печки и притих.

И почему-то вспомнилось ему, как он летом на жарком пастбище припасал теленка. Скучно ему тогда казалось, надоедно, а ведь как хорошо было! Вот гаснет солнце за дальним лесом. Идет стадо в деревню. Мать у калитки встречает скотину, улыбается Шурке:

— Вот спасибо, Шурка! Ишь, как важно бычка к порядку приучил, словно большой ходит! Испеку тебе завтра пирог с морковью.

...А вот праздник в колхозе. Накрыли столы, режут колбасу, пиво цедят. А они с Пашкой убежали на реку. Скинули новые рубахи и давай этими рубахами пескарей ловить.

...А вот ходит он с деревянной шашкой у пояса и в отцовой лохматой шапке набекрень. Чем не Чапаев? Ксёна обращается к нему почтительно:

— Василий Иванович, сходи за крапивой, пожалуйста!

А у самой так и светятся глаза от смеха. Как хорошо было! Ну до чего ж хорошо было тогда! А теперь? Теперь никого нет. И дома нет. И везде немцы.

Подошла Алёнушка, заглянула Шурке в глаза.

— Ты не тужи, Шурка, — сказала она: — война кончится, немца выгонят, и все обратно вернуться. И мать, и Ксёна! И отец с фронта придет. Вот-то радость будет, вот-то веселье!

Шурка молчал.

— Послушай-ка, — опять сказала Алёнушка, — ты лапки на снегу возле дома видел?

— Видел.

— А как ты думаешь, это чьи следы?

Шурка живо взглянул на Алёнушку.

— А чьи?

— Это голубые голуби прилетают к нам. Вот будет лунная ночь, ты и погляди в окно.

— И увижу?

— Обязательно увидишь.

— Голубые?

— Совсем голубые, и каждое перышко, словно бирюза, светится.

— Ты и про елку говорила...

— Ну и что же? Ведь ты же не ходил ночью, не смотрел?

Алёнушка взяла лампочку и пошла в кухню готовить ужин.

Шурка остался один в полутемной гор-

нице. Боковое окошечко светилось в темноте. Шурка загляделся в окно. А в окне все светлее и светлее. Что же это? Видно, унялась метелица, видно, месяц всходит?

И вдруг растаяли на стеклах морозные узоры и серебряными ручейками потекли вниз. И стало видно Шурке, что по снеговой полянке под окнами ходят голубые голуби. Шурка хотел вскочить — и не мог. Руки отяжелели, ноги не слушались, а голуби ходили по снегу, и каждое перышко у них блестело и светилось, как бирюза.

Брякнула Алёнушка в кухне ведром, Шурка вздрогнул. И тотчас взлетели голубые голуби, искрами и блестками рассыпались перья, прилипли к стеклам. И снова морозный узор заслонил полянку от Шуркиных глаз.

— Ты что, никак вздремнул? — спросила Алёнушка. — Я тебя окликаю, а ты и не слышишь.

— Я не спал, — ответил Шурка. — Я сейчас голубых голубей видел!

— Ну? — обрадовалась Алёнушка. — Значит, они прилетали?

— Да вот под окном ходили!

И добавил:

— А вот Пашка ни за что не поверил бы. Обязательно заспорил бы. Уж такой он у нас спорщик был!

8. НА КРЫЛЬЦЕ СКРИПЯТ СТУПЕНИ

Долго-долго тянется вечер зимой. Плотнo завешены окна. Лампа тихо светится над столом. Огонек отражается в зеркальном окошечке резного домика, будто и там зажгли свет.

— Расскажи сказку, — просит Шурка.

Алёнушка улыбается:

— Пострашней?

— Ага! Страшную!

Алёнушка села за пряжу. Белая шапка на гребне стала совсем маленькая, и Шурка давно увидел, что это никакое не облачко, а просто очень белая шерсть.

— Ну, слушай страшную-престрашную...

И начала Алёнушка сказку про медведя. Медведь заснул в лесу, разбросав лапы. А старик пришел, отрубил одну лапу и отнес старухе. Старуха медвежье мясо варить поставила и медвежью шерсть села прясть.

Медведь проснулся. Смотрит, а лапы нет. Поревел-поревел да и сделал себе деревянную ногу.

Вот наступила ночь. Идет медведь в деревню. Идет, а нога у него поскрипывает. А уж в деревне все спят, только бабка сидит, медвежье мясо варит, медвежью шерсть прядет...

Шурка затаил дыхание. Лесное безмолвие стояло за стенами. И представилась ему де-

ревня, заснувшая среди глубоких синих снегов. Желтый огонек мерцает в избушке, а по улице идет хромой медведь, идет к бабке за своей отрубленной лапой. Шурка поежился и подобрал ноги на лежанку.

— А медведь-то и ревет полегоньку, — продолжала Алёнушка, — идет и ревет:

Скрипи, нога,
Скрипи, липовая...
Вся деревня спит,
Одна бабка сидит,
Мою шерстку прядет,
Мое мясо варит!
Скрипи, нога...

Вдруг Алёнушка замолкла и тревожно прислушалась. И Шурка среди глубокой тишины отчетливо услышал, что скрипят ступеньки. Кто-то тяжелым шагом поднимался на крыльцо.

Шурка бросился к Алёнушке:

— Кто это?

Алёнушка и сама не знала, что ответить. Кто там? Неизвестно, кто! Только не свои, не партизаны...

Раздался грохот, в дверь застучали прикладами, странно и крикливо зазвучали за дверью немецкие слова.

Шурка вцепился в Алёнушку.

— Не отпирай! Не отпирай! — в ужасе повторял он. — Не отпирай!

Грохот раздался сильнее. Даже рамы зазвякали в окнах. Алёнушка отвела Шуркины руки, ни жива ни мертва вышла в сени и открыла дверь. Немецкие солдаты, гремя сапогами и прикладами, вошли в избу. Они были угрюмые и раздраженные.

Шурка не успел во-время убраться с дороги — ему дали подзатыльник, и он отлетел к печке. Он больно ударился об угол, но даже не охнул, а только весь задрожал и прижался к стенке.

Немцы прошли прямо в горницу, заглянули на печку, на полати. Тускло отсвечивали их железные автоматы, с шинелей падал снег, и на пестрых дорожках оставались темные следы. Громкий непонятный говор наполнил горницу.

Один из них, видно начальник, подошел к Алёнушке:

— Где партизаны?

Он был сутулый, с большим подбородком. Глаза его глядели неподвижно и тяжело, как свинцовые гири.

— Здесь нет партизан, — ответила Алёнушка, — мы их не знаем.

Алёнушка стояла перед немцем, опираясь рукой на гребень. И Шурке видно было, как мелко-мелко дрожит на гребне белая куделька. Тогда Шурка выступил вперед и сказал:

— Мы с дедушкой живем! Наш дедушка — лесник, лес караулит.

— Где дедушка? — спросил немец. И свинцовые глаза его уставились на Шурку.

— А дедушка в деревню пошел, — вмешалась Алёнушка, — за хлебом. У нас хлеба мало, вот он и пошел.

— Будем ждать вашего дедушку.

Немец огляделся кругом, подумал и что-то приказал. Половина отряда вышла в сени, остальные засели в горнице.

Шурка и Алёнушка остались в кухне одни. Будто два воробья, застигнутые вьюгой, они уселись на скамеечке, прижавшись друг к другу.

— Это они нашим засаду устроили, — прошептала Алёнушка. — Что же мы теперь будем делать? Ведь наши-то на заре вернутся. Батько сам сказал.

Шурка испуганно посмотрел на Алёнушку: как же им быть теперь? Как предупредить, как известить, чтоб не приходили сегодня домой партизаны, чтоб даже близко не было их возле лесной избушки?

И вдруг Шурка вспомнил:

— Алёнушка, а где красненький платочек, который я тебе подарил тогда?

Алёнушка открыла сундучок, достала пунцовый платочек. Шурка схватил его и высу-

нул в форточку, прищемив за кончик. Платочек, словно флажок, затрепетал на ветру.

— Это что? Сигнал?—спросила Алёнушка.

— Да,—сказал Шурка,—наши его знают.

Они снова уселись. Тёмная плотная занавеска закрывала окно. Как догадаться немцам, что там, за этой занавеской и за темными стеклами?

Вдруг Алёнушка снова вскочила:

— Шурка, ничего не выйдет!

— Почему же?

— Потому что темно! Ведь платочек-то не фонарь, в темноте не светится! Как же наши увидят его?

И снова Алёнушка с Шуркой задумались и затревожились. Как ни ломал голову Шурка, он больше ничего не мог придумать.

Зато Алёнушка придумала. Она отогнула край занавески и передвинула фонарь на край стола. Светлая полоска тайком скользнула во тьму и осветила пунцовый платочек.

В дверях горницы появился немецкий начальник. Он подозрительно поглядел сначала на Алёнушку, потом на Шурку, потом на окно, но ничего не заметил.

— Не подходить к окну! — приказал он. — Дальше! К печке!

Шурка и Алёнушка отошли от окна и опять уселись на свою скамеечку.

Когда немец ушел, Алёнушка тихонько спросила:

— Шурка, а этот сигнал что значит по-военному?

— Это значит, — ответил Шурка и сдвинул брови, как Федя Чилим, — это значит, что пункт занят врагом и что ходить партизанам сюда

нельзя. Можно только тайком подобраться и только с винтовкой в руках и с гранатой у пояса.

9. НОЧЬ ДО РАССВЕТА

В трубе гудело. Немцы тихо сидели в горнице. Но те, которые были в сенях, начали замерзать. Слышно было, как они крикают, хлопают руками, ходят назад и вперед по сеням.

Неизвестно, сколько времени прошло, может час, а может три. Шурка с Алёнушкой сидели, прижавшись друг к другу. О сне даже и не думалось.

Шарканье в сенях стало слышнее. Наконец открылась дверь, и два солдата вошли в кухню. Оба они скорчились от холода, посинели. Они остановились у дверей горницы, щелкнули сапогами, отдали честь и что-то сказали — может быть, попросились погреться. Потом уселись за кухонный стол и вытащили карты. Один стал раздавать карты, а другой взял фонарь и переставил на середину стола. Шурка и Алёнушка переглянулись — всё пропало!

Медленно текли минуты. Ровным белым язычком горело пламя под круглым стеклом фонаря. Казалось, что солдаты уже давным-давно сидят здесь и играют в карты. И казалось, что этой игре не будет конца. Неужели так и просидят до рассвета?

Но вот солдаты спрятали карты, поглядели на часы и вышли. Алёнушка вскочила, передвинула фонарь к окну. И тут же в кухню снова вошли немцы, но уже другие. Они вошли, потирая от мороза руки. Тихонько разговаривая, уселись к столу. Поговорили, позевали и затихли, облокотившись на стол. Тускло светились их тяжелые автоматы, поставленные у колена.

Наступила тишина. Шурка не выдержал. Глаза у него стало заволакивать, голова отяжелела. Он прислонился к плечу Алёнушки и тотчас уснул.

Сразу один за другим набежали пестрые сны. Вот они с Пашкой ловят какую-то птицу. А птица смеется и улетает все дальше и дальше. А вот они с Пашкой уже и сами птицы. Взмахнули крыльями, взлетели вверх и уселись на высокой ветке.

И вдруг ветка задрожала, затряслась. Хочет Шурка взлететь, но видит, что нет у него крыльев. Глянул вниз, сердце замерло — так высоко он взобрался. А ветка все дрожит, все трясется, сейчас сорвется Шурка и полетит вниз!

Алёнушка тихонько трясла его за плечо. — Шурка, Шурка, фонарь-то гаснет!

Шурка открыл глаза. Тихо-тихо было кругом. Метелица улеглась, и в трубе замолкло. За столом, на лавке, на полу — везде сидели

и дремали солдаты в зеленых шинелях. В сенях расхаживали часовые, притопывая морозными каблуками. Возле окна чуть мигал желтый огонек, тонкая струйка копоти поднималась вверх. Фонарь погасал. А в окно уже заглядывал тусклый зимний рассвет.

— Они скоро придут, — прошептала Алёнушка. — Может, идут уже! Неужели они не заметят?

Вдруг она схватила Шурку за руку:

— Слышишь?

Шурка замер, прислушался. И вот где-то далеко среди морозной лесной тишины ему почудился неясный хруст снега.

Шурка оглянулся кругом — немцы попрежнему сидели и дремали, обхватив руками автоматы. Студеное безмолвие окутывало избушку. Может, ему почудилось?

Шурка и Алёнушка сидели не шевелясь. И на этот раз они и вправду услышали далекий скрип лыж по снегу. Идут! Неужели не увидят платочка? Неужели не останутся?

Один солдат поднял голову, прислушался.

— Ахтунг!

Немцы встрепнулись, насторожились. Двое тихонько подошли к дверям горницы, сказали что-то. Там тоже задвигались. Начальник вышел в кухню. Стараясь не шуметь, солдаты

вышли в сени. Только двое остались в кухне. Они встали у дверей и приготовили автоматы. Начальник поглядел на Шурку и Алёнушку, молча погрозил им револьвером и снова ушел в горницу. Немцы затаились, будто волки, поджидающие добычу.

— Если наши подойдут, брошусь в окно, выбью раму да закричу! — сказал Шурка. — Пускай стреляют!

— Я сама выбью, — возразила Алёнушка. — Не твое дело, ты сиди и молчи. Ты маленький.

Шурка рассердился:

— Я партизан, а не маленький. Я в разведку ходил.

И вот где-то хрустнул сучок, треснула веточка. Идут! Не видят платочка!

И вдруг снова — тишина. Слушают немцы, затаив дыхание. Слушают и Шурка с Алёнушкой, боясь пошевелинуться. Что-то шуршало по снегу, только так тихо, что и не разберешь: не то идет кто, не то мерещится. Все тише, все дальше... Вот и совсем затихло.

Фонарь мигнул раз-другой и погас. Светло-серый рассвет засветился в щель. Безмолвный, закованный стужей лес неподвижно стоял за стенами.

Алёнушка и Шурка поглядели друг на друга,

улыбнулись тихонько и вздохнули, будто камень с души свалился.

— Ушли!

10. ПАРТИЗАНЫ ПОКИДАЮТ ЛЕСНУЮ ИЗБУШКУ

Алёнушка вошла в горницу, сняла темные занавески с окон. Засверкали и заискрились морозные узоры. Стало светло в избушке, наступило утро.

И тогда немцы поняли, что в избушку никто не придет. Они заговорили громко и раздраженно. Те, которые дежурили в сенях, вошли в избу, и снова стало тесно от зеленых шинелей и железных прикладов.

И тут немцы дали волю своей злой досаде. Они сорвали со стен еловые ветки. На столе начертили свастику—будто огромный черный паук сел на стол. Раздался треск и грохот—кто-то сбил прикладом шкафчик с посудой. Начали шарить на полках. Стащили с полатей овчинный дедов тулуп и Алёнушкин полушубок. Один, долговязый, с огромными ногами, подошел к Алёнушке и закричал что-то, показывая на ее валенки. Алёнушка сняла валенки и подала ему. Немец попробовал их надеть, но они ему, может быть, только на нос годились бы. Он со злостью швырнул валенки об стену. И вдруг рванул

Алёнушку за ворот кофточки и выхватил наган. Шурка, не помня себя, закричал диким голосом и повис на руке у немца.

— Оставь, — небрежно сказал начальник, — это потом.. Придем еще раз.

Он сказал это по-немецки. Шурка с Алёнушкой ничего не поняли.

Долговязый оттолкнул Алёнушку и спрятал наган в кобуру.

Немцы ушли.

В распахнутые двери стремительно ворвались холод и ветер.

Когда затихли в лесной глубине голоса солдат, Алёнушка вскочила и крепко обняла Шурку.

— Шурка, Шурка, — и плача и смеясь, крикнула она, — мы живы! И наши живы! Ты понимаешь это или нет?

Алёнушка закрыла дверь, затопила печку. Шурка вышел на крыльцо. Розовые полосы утреннего солнца лежали на снегу. За ночь огромный сугроб намело у крыльца.

Шурка, утопая в сугробе, обошел кругом: все ли бандиты ушли? Не осталась ли где в кустах вражья засада? Но следы были только в одну сторону, туда, куда ушли немцы. Тогда он пролез к маленькому кухонному окошку и сдернул с форточки пунцовый пла-

ток. Можете возвращаться, партизаны, пункт свободен!

Часа через два из леса раздался свист. Шурка выскочил на крыльцо, Алёнушка за ним. Из-за деревьев, словно привидение, показался Чилим.

— Подходи, — крикнул Шурка, — не бойся!

Чилим вышел на полянку, а за ним показался дед Батько, а за дедом и все остальные. Как же обрадовался им Шурка! Даже заплакал от радости.

Партизаны выслушали, что было этой ночью в избушке, и задумались.

— Пока все кончилось хорошо, — сказал дед, — только нам здесь оставаться больше нельзя. Уйдем дальше. У нас домов по всему лесу: там землянка, там блиндаж, там пустая угольница... Все равно бандиты за нами не угонятся.

А потом подозвал к себе Шурку, похлопал по плечу:

— А ты, братец Шурка, молодец! Не растерялся. Ты теперь настоящий партизан. Так можешь и говорить, когда свои спросят: Александр Хрусталеv, партизан боевого отряда, мститель за родину!

Шурка молча кивнул головой.

Партизаны собрали свое небогатое иму-

щество, встали на лыжи и ушли из лесной
избушки. И Шурка ушел с ними.

Куда? Это елки знают, знает ветер, кото-
рый бродит по лесу. Но ни елки, ни ветер
никому не расскажут об этом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. На лесной тропинке	3
2. Лесные чудеса	12
3. У Шурки есть друзья	16
4. Пушистый платочек	23
5. Совешаме на полятах	26
6. Шурка — разведчик	29
7. Голубые голуби	37
8. На крыльце скрипят стулени	42
9. Ночь до рассвета	48
10. Партизаны покидают лесную избушку	52

ДЛЯ ДЕТЕЙ 7—8 ЛЕТ

Ответственный редактор *В. Энден.*

Подписано к печати 29/III 1943 г. 3/8 печ. л. (4,25 уч.-изд. л.). 20 660 экз. в
печ. л. Тираж 30 000 экз. Л24100. Заказ № 3132. Цена 2 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР. Москва, Сушевский
вал, 49.

1955

15456

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА
ДЕТГИСА

К

Цена 2 р. 50 к.